

Новаторство и традиция

И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Эти строки из пушкинского стихотворения известны всем. А задумывались ли вы над их смыслом? Почему Пушкин связывает свою грядущую славу, свое бессмертие с жизнью какого-то будущего «пиита»? Ведь произведения Пушкина и так существуют для читателей.

Дело здесь в том, что Пушкин говорит не только о своих собственных стихах. Речь идет о судьбе всей русской поэзии, а поэзия не может жить одним своим прошлым, каким бы славным оно ни было. Литературе в целом, крупнейшим ее мастерам присуще стремление передать последующим поколениям писателей свой духовный опыт, свои творческие принципы. Так возникает вопрос о традиции (латинское слово *traditio* и означает «передача») Но опыт литературных предшественников по-настоящему усваивается их последователями только при условии творческого продолжения развития этого опыта, а не пассивного его повторения. Поэтому традиция диалектически связана с новаторством, одно без другого существовать не может.

Рассмотрим конкретный пример. Попробуйте угадать, кому принадлежат следующие строки:

Когда сверкнет звезда полночи
На полусонную Неву,
Ряды былых событий очи
Как будто видят наяву...

Или вот такие:

Я пленен, я очарован,
Ненаглядная, тобой,
Я навек к тебе прикован.
Цепью страсти роковой.

Поскольку угадать автора нелегко, сразу откроем истину: эти строки взяты из двух стихотворений Некрасова. Но почему эти вялые, усредненные стихи так мало напоминают нам почерк автора «Тройки» и «Железной дороги», поэм «Мороз, Красный нос» и «Кому на Руси жить хорошо»? Прочитированные строфы — из книги ранних произведений поэта «Мечты и звуки». Автор этой книги ориентировался на опыт и на стиль Жуковского, Пушкина, Баратынского, Лермонтова. Казалось бы, учителя прекрасные, лучших и желать невозможно. Но беда была в том, что, стремясь воспроизвести отдельные приемы славных поэтов, молодой Некрасов попал в чрезмерную зависимость от чисто внешних особенностей лексики, стиха, образного строя. Не прибавляя к опыту учителей ничего нового, своего, поэт рисковал попасть в число литературных эпигонов классического стиля. «Мечты и звуки» были холодно встречены критикой. Белинский писал о них: «Все знакомые и истертые чувствованья, общие места, гладкие стишки». Некрасов стал скупать у книгопродавцев экземпляры своей первой книги и беспощадно уничтожать их.

Однако неудача не сломила творческой воли Некрасова, и он нашел свой путь в поэзии.

«Скучно! скучно!.. Ямщик удалой.
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши
Или, что ты видал, расскажи, —
Буду, братец, за все благодарен».

— Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка жена!..

Это начало стихотворения «В дороге» (1845), услышав которое Белинский воскликнул: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?» Именно с этого стихотворения начался настоящий Некрасов. Жизнь простых людей стала в его поэзии непосредственным предметом изображения, опорной темой творчества. Перестроилась вся поэтика: в стихи хлынула масса обыденных подробностей и лексических «прозаизмов», вытеснивших условно-поэтические формулы, усилилось сюжетное начало, на смену элегическому раздумью пришел стихотворный рассказ, зазвучала разговорная интонация в сочетании с песенными ритмами, вследствие чего возросла роль трехсложных размеров, в особенности анапеста. Некрасов предстал смелым поэтическим новатором.

И вот тогда творчество Некрасова обнаружило прочную традиционную причастность к опыту предшественников: к пушкинской «поэзии действительности», к лермонтовскому лирическому максимализму, к трагической глубине Баратынского, к захватывающей эмоциональности элегий и баллад Жуковского. Внутренняя связь возникла при всем внешнем несходстве. Отталкиваясь от предшественников, Некрасов приближался к ним. И это глубоко закономерно: подлинными наследниками традиций становятся только новаторы.

Поэзия Некрасова в свою очередь стала вдохновляющим образцом для новых поколений литераторов. Но было и нетворческое подражание Некрасову, например поэзия С. Надсона, у которого демократический пафос не был исполнен такой же решительности, а установка на эмоциональность стиха не была подкреплена внутренней силой. Поэзия Надсона была некоторое время популярна, но отсутствие в ней творческой новизны вскоре дало себя знать. Зато подлинными наследниками Некрасова оказались поэты-новаторы, открыватели новых путей: Блок, Белый, Ахматова, Маяковский, Твардовский.

Продолжать пушкинскую традицию значило для Маяковского не копировать внешние черты пушкинской поэзии, а, подобно Пушкину, строить новую художественную систему, чутко реагируя на движение исторического времени. «После смерти нам стоять почти что рядом: вы на Пе, а я на эМ», — говорит великому предшественнику Маяковский, и речь, конечно, идет не об алфавитном порядке, а о единой традиции отечественной поэзии, традиции, развивающейся в новаторских поисках. «Кто меж нами?» — спрашивает Маяковский, и здесь в высшей степени закономерно возникает имя Некрасова (а вот Надсону справедливо отказано в праве на место в этом ряду: «Мы попросим, чтоб его куда-нибудь на Ща!»).

Диалектическая взаимосвязь традиций и новаторства касается всех сторон художественного творчества: содержания и формы, темы и стиля, жанрово-композиционного своеобразия произведений, их языка. Эта связь — залог непрерывности литературного развития, следствие неисчерпаемых возможностей художественного познания.